

Юрий Каграманов

Время (и бремя) чёрных?

О новом витке расового вопроса

Готовит новые удары
Рой пробудившихся племён.
Владимир Соловьёв

Строки, вынесенные в эпиграф, взяты из стихотворения «Панмонголизм», где речь идет об угрозе, исходящей со стороны желтой расы. Угроза эта сохраняется и сегодня, но характер ее радикально изменился: вряд ли она имеет что-то общее с призраком монгольских орд времен Батыя. Угроза в другом: желтые опережают белых на путях приземленно-логического мышления — отсюда их успехи в науке и технологии. Там, на далеком Востоке, сегодня «дышит интеграл» (это уже из А.Блока).

Но другая угроза обозначилась: белой расе по-своему грозит черная.

«Негр поднимается с колен». Это действие, назовем его так, можно разложить на четыре эпизода. Первый из них — так называемое Гарлемское возрождение. В конце 10-х — 20-х годов Гарлем в Нью-Йорке стал центром движения чернокожих за психологическое «возвращение в Африку». Пока что оно ограничивалось музыкально-танцевальной частью. Наступал «век джаза» (сложившегося, заметим, не без влияния европейского мелоса), как его назвал Скотт Фицджеральд. Джаз покорила американцев, а за ними и европейцев; так же, как и новые ритмические танцы — ту-степ (Яшка-артиллерист в кинофильме «Свадьба в Малиновке» демонстрировал сельчанам некое подобие его), фокстрот и так далее. К тем годам относится замечание Честертона, что франты, отплясывающие чарльстон, скоро начнут чернить себе лица. Фигура негра становилась в глазах белых культурной величиной. Но это по-прежнему был негр-забавник, усовершенствованный вариант кривляки Джима Кроу, каким его знал старый Юг (даже знаменитый Луи Армстронг, по-своему обаятельный, вписывается с некоторыми поправками в образ Джима Кроу). Культурный «вес» негра пока ограничивался сферой развлечения.

Впрочем, не совсем так. Тот же Фицджеральд дал тонкое определение джаза: это состояние нервной взвинченности, похожее на то, что воцаряется в городах при приближении к ним линии фронта.

Следующий эпизод переносит нас в Париж 30-х годов, который был тогда, как и прежде, «лабораторией инноваций». Группа чернокожих франкоязычных поэтов, в которой ведущими были Эме Сезер и Леопольд Сенгор (будущий президент республики Сенегал), выступила с идеологической концепцией «негритянства», иначе *негритюд*. Эти поэты поставили мироощущение негров выше мироощущения европейцев. Негры чутки к голосу крови, к воспарениям земли, которую они ощущают «теплыми стопами», а европейцы, «всезнающие и наивные победители», по выражению Сезера,

выстроили себе культуру-тюрьму, из которой даже при желании не могут вырваться. *Негритюд* претендовал на то, чтобы стать универсальной философией; задача негров, писал Сэзер, в том, «чтобы ассимилировать (европейцев. — Ю.К.), вместо того, чтобы быть ассимилируемыми».

Успеху *негритюда* способствовало поражение, которое потерпела европейская цивилизация в Первой мировой войне (независимо от того, кто там в военном отношении выиграл и кто проиграл). Идеалы «прогресса» оказались полужатоплены в море крови, пролившейся на полях жесточайших за всю человеческую историю сражений.

Успеху *негритюда*, даже среди белых, способствовал и тот факт, что он был отчасти созвучен некоторым течениям европейской мысли и искусства, поднявшим на щит интуитивизм, в частности «философии жизни» А.Бергсона (ценившего «жизнь» выше и материи, и духа) и особенно сюрреализму с его сновидческими изображениями окружающей жизни. Основоположник сюрреализма Андре Бретон назвал Сэзера и Сенгора «великими лириками современности». Поэты *негритюда* указывали, однако, и на то, что отличало их от европейских художников: у тех сюрреализм шел от личного поиска, а у негров это была коллективная интуиция, растворяющая личность в племени.

Доверие к интуициям низшего порядка можно объяснить некоторой высушенностью, избыточной заземленностью христианства в повседневном обиходе; лишенное мистики, лишенное «безумия», оно перестало «держат души». Это относится и к энтузиастам *негритюда*, и к художникам сюрреалистического направления, которых Гуго фон Гофмансталь, сам из породы декадентов, метко назвал «большими орлами».

В защиту *негритюда* выступил Жан-Поль Сартр в своем знаменитом эссе «Чёрный Орфей». Черные, писал Сартр, пристыдили белых, указав им на их «неполноценность». Подобно античному Орфею, спустившемуся в царство Плутона, чтобы увести оттуда Эвридику, черный поэт спускается внутрь себя, чтобы открыть там некую глубину. И что он там находит? «За пожаром объятых пламенем слов (негритянской поэзии. — Ю.К.) нам открывается великий идол, черный и немой». Здесь, между прочим, верно указано на религиозное измерение эстетики *негритюда*. Черный и немой идол наводит на мысль о том идоле, которому поклоняются последователи *вуду*, — дикого, анимистического культа, абсорбировавшего некоторые элементы христианства, искусственно к этому культу привязанного.

Можно в данном случае согласиться и с Дмитрием Быковым, усматривающим (в стихотворении «Бремя белых»)

....в черном лике идола
Самой природы лик незрячий.

Возвратимся в Америку. Энтузиасты *негритюда* мало интересовались политикой, полагая, что искусство важнее политики. Но политика требует своего. В 60-х годах в стране развернулась борьба за гражданские права негров, в которой широкое участие приняли как черные, так и белые. Борьба была праведной и в общем довольно успешной. Достойный вклад в эту борьбу на сей раз внес Голливуд, выпустивший ряд фильмов («Осквернитель праха», «Скованные одной цепью», «Не склонившие головы», «Посмотрите, кто пришёл» и другие), убеждающих, что черный — такой же человек, как и белый, нередко даже лучше белого. К концу 60-х с расовой сегрегацией практически было покончено, даже на Юге.

Но недаром говорится: дай человеку волю, он две возьмет. В негритянской среде появились агрессивные группы, которые, не довольствуясь успехами в борьбе за расовое равенство, стали устраивать мятежи и погромы. Ветер принес боевой клич из

Африки. В начале 60-х нигерийский писатель Воле Сойинка (лауреат Нобелевской премии по литературе за 1986 год) выступил с резкой критикой *негритюда*. С его точки зрения, Эме, Сенгор и их единомышленники проявили слишком большую лояльность в отношении *francité*, французской культуры (Сенгор, между прочим, стал одним из «бессмертных», членом Французской Академии). *Негритюд* слишком увлекся словесами, но теперь пришло время действовать. Тигр, писал Сойинка, не заявляет о своей «тигристости», он просто прыгает на своего противника и загрызает его. Свою позицию Сойинка обозначил, созвучно с *негритюдом*, но в пику ему, как *тигритюд*.

Призыв был услышан за океаном. Самая заметная из негритянских экстремистских группировок взяла себе имя «Чёрные пантеры». Пантера — вроде тигра, но тигр полосат, а пантера одноцветно черная и потому скорее подходит на роль символа для агрессивного «негритянства». Но «пантеры» тогда еще не нашли достаточно широкой поддержки среди негритянского населения и спустя энное количество лет были разогнаны полицией.

В 2013 году уроненное знамя «пантер» подняло движение BLM (black Lives Matter, «Чёрные жизни важны»). Так начался последний пока и, по хоже, роковой эпизод «поднятия негра с колен». *Негритюд* парижской выделки еще владеет умами черных интеллектуалов, но его оттесняет «брутализм», каковой демонстрирует BLM, а также близкое ему по идеологии и по степени революционного оголтения Антифа, называющая себя анархо-коммунистическим движением. В порядке курьеза можно назвать еще одну организацию — «Восстание мавров», требующую от правительства США (!) компенсации за то, что мавров изгнали из Испании в конце XV века.

В составе самого движения (BLM) и сегодня, по некоторым прикидкам, каждый третий — белый или, если угодно, «белый негр». «Новые сны веры Павловны», как выразился автор русскоязычного журнала «Kontinent. USA», овладевают их воображением.

В среде сочувствующих белых есть, вероятно, и такие, кто искренно, по-христиански — даже в отдалении от христианства — сочувствует неграм, болеющим за своих попавших в рабство предков (довольно уже далеких). Но тут к месту привести суждение Честертона: добродетели, выпавшие из христианства, — одичалые и порою вредоносные еще более, чем пороки.

BLM изначально возглавили три черные женщины (привет феминисткам!), которые заявили о себе, как об «образованных марксистках». Трудно представить, чтобы эти разбитные тетки штудировали «Капитал» или «Нищету философии»; вероятно, они воспринимают марксизм примерно так же, как воспринимал его Чепурный в платоновском «Чевенгуре», который, читая «Капитал», «ничего не понял», но «что-то чувствовал». Что можно почувствовать, читая Маркса? Или, спросим иначе, какие чувства внушает Маркс своим читателям? Ну, во-первых, праведный гнев (против капитализма и капиталистов), но с ним вместе злобу против всех мыслящих и чувствующих хотя бы чуть-чуть иначе. О.Сергий Булгаков писал, что Маркс «заколдован злобой» и все его учение — inferнальное восстание против Творца и его творения.

Подобно русским и любым другим марксистам, BLM демонстрирует «отщепенство» от национальной истории и, если воспользоваться выражением П.Б.Струве, «секулярную неотмирность».

В точном соответствии с Марксом, BLM грезит о мировой революции; начавшись в Соединенных Штатах, она должна выплеснуться за их пределы. Для чего уже создана пропагандистская сеть, охватившая страны на всех пяти континентах.

Казалось бы, марксизм дискредитирован всем опытом Старого света, отчасти и Нового, но, как видим, выходят на арену истории новые поколения, запутавшиеся в марксовой бороде. Как это и прежде случалось, идеи Маркса в новой среде подвергаются рефракции. Не классовая борьба объявляется движителем истории, но расовая борьба.

Место угнетенного пролетариата в марксистской схеме занимает угнетенная черная раса (вместе с примкнувшими к ней «пробужденными» белыми).

Записавшись в марксисты, трудно «перепрыгнуть» через неомарксизм, выставляющий себя усовершенствованным вариантом теории Карла Маркса, поэтому BLM принимает гендерные новации, инициированные теоретиками неомарксизма. С некоторыми немаловажными поправками: разрушение семьи приветствуется не в пользу «раскрепощенного» индивида, а в пользу «большой семьи», племенной сплотки, растворяющей индивида в себе и растворяющей в себе то, что в Европе и Северной Америке называется нуклеарной семьей. Но замена угнетенного пролетариата угнетенной (или мнимо угнетенной) расой — патент на эту новацию принадлежит BLM.

Столь крутой поворот совершился под влиянием так называемой критической теории рас, возникшей в конце прошлого века и до последнего времени прозябавшей на страницах малоизвестных, академических по видимости журналов. Основоположником ее явился гарвардский профессор Ноэль Игнатъев, потомок выходцев из России, троцкист, поднявший эстафетную палочку, выпавшую из рук великого и ужасного Льва Давидовича. Это он ввел различие Черных с прописной буквы, идеологических борцов, и черных с маленькой буквы, просто чернокожих. Одно время Игнатъев допускал, что Черными могут быть и люди белой расы, но затем пришел к выводу, что на роли идейных борцов они не годятся и их надо попросту убивать, всех подряд. Вот такой «обновитель марксизма» объявился в стенах почтенного, казалось бы, университета.

Сейчас критическая теория рас завоевывает — почти уже завоевала — статус официальной идеологии, принятой в университетах и школах, правительственных учреждениях и т.п. Это ею был дан толчок анекдотическим утверждениям, что негры первыми открыли Америку, что историю Соединённых Штатов надо начинать не с прибытия в Новый свет пуританских «пилигримов», а с завозом туда первых черных невольников, на спинах которых будто бы возросли могущество и слава этой страны, и т.п. Критическая теория рас утверждает, что «черное — это прекрасно», а сплюснутые носы и толстые губы красивее европейских прямых носов и тонких губ.

А так как мир художественных образов, в который с детских лет погружены американцы, это почти целиком мир белых людей, то их, точнее тех из них, кто более других пленяет воображение, спешно перекрашивают в черный цвет: так появляются на экранах и на сценических подмостках, на страницах книг для детей Белоснежка со своими гномами, Алиса в стране чудес, Снежная королева, Принцесса на горошине, Маленький принц, Том Сойер и Гарри Поттер — все черные, как вороны.

Самого Иисуса Христа изображают черным — те, кто еще верит в Него или пытается верить.

Сколько продлится этот театр абсурда, пока сказать невозможно. Пока он распространяется на другие страны, в первую очередь на родину «гордых бриттов».

Вообще говоря, расовый вопрос — предельно сложный. Существуют различные объяснения того, почему человечество поделено на расы. Среди них религиозное, особенно неблагоприятное для черной расы: негры — потомки Хама, проклятого своим отцом, Ноем. Интересно, что это объяснение приняла первая афро-американская поэтесса Филлис Уитли. В семилетнем возрасте она была привезена работоторговцами из Африки, но ей посчастливилось попасть в белую семью, сумевшую оценить ее необыкновенные способности и со временем отпустившая ее на волю. Стихи Филлис оценил сам Джордж Вашингтон, хотя большую известность она получила в Англии и Франции. Для нынешних черных революционеров Филлис — икона (современный ей художник донес до потомства ее милые, «боголепные» черты, но нынешнее ее «иконическое» изображение — свирепой воительницы, наподобие феминисток), но ее образ мыслей очень от них далек. Вот какие она писала стихи (даю подстрочный

перевод): «Помните, христиане, негры, чёрные, как Каин, // Может быть, мы исправимся // И присоединимся к поезду ангелов». Чтобы «исправиться», считала Филлис, негры должны презреть своего предполагаемого предка, Хама, так же, как он сам презрел своего отца.

В Европе вплоть до Нового времени преобладало религиозное объяснение происхождения черной расы. Это не значит, что отношение к неграм было однозначно негативным. С христианской точки зрения человеческое существо, заключенное в черную кожу, остается человеческим существом, способным и к взлетам (и, значит, к преодолению дурной наследственности, если таковая имела место), и к падениям. Характерно христианский взгляд выразила шекспировская Дездемона: «Лицом Отелло был мне дух Отелло». По крайней мере, на высотах европейской культуры это было очень понятно.

Но в Европе негр был довольно редкой фигурой; Папагено в моцартовской «Волшебной флейте» (1792), удивляющийся тому, что на свете есть черные люди, для своего времени достаточно типичен.

А в Северной Америке из-за систематического завоза рабов из Африки впервые белое население столкнулось в рамках одного общества с массой чернокожего населения — с расой, по своим внешним признакам диаметрально противоположной белой расе. Трудно было ожидать от массы белого населения, чтобы оно проявляло ту же высоту духа, на какую была способна европейская аристократия (духовная и светская). Вместе с тем эти белые демонстрировали инстинкт сохранения расы, который тоже имеет право на существование.

Граф Артур де Гобино, который считается основоположником расовой теории (в 2001 году на русском вышла его книга «Опыт о неравенстве человеческих рас») зря порицается за то злоупотребление, которое сделали из его трудов национал-социалисты (у одного автора я даже нашел утверждение, что Гобино был «почитателем Гитлера», хотя граф опочил еще в 1882 году). Он, действительно, считал белую расу образцом силы и красоты, но он не превращал ее в некий абсолют. У Гобино есть представление о «текучести» в расовой географии. Раса стремится сохранить себя, и это правильно, но это возможно лишь до определенного момента. Рано или поздно раса утрачивает силы сопротивления чужому и смешивается с другими расами. Складывается новая раса, с течением времени приобретающая «признаки чистоты». Более того, Гобино считал, что «цивилизация возможна только при смешении крови»; это, как мне представляется, спорное утверждение, но оно окончательно снимает с нашего француза обвинения в расизме.

Похоже, что в Соединенных Штатах белые утрачивают силы сопротивления черным и другим цветным. Критическая теория рас в содружестве с препарированным на новый лад марксизмом становится орудием ниспровержения всей евро-американской цивилизации.

Когда мы видим в голливудских фильмах, как иссиня-черный мужчина обнимает белую женщину или, наоборот, белый мужчина обнимает иссиня-черную женщину, не следует думать, что все американцы испытывают удовлетворение при виде такого рода картинок. Это — кинематографическое приношение критической теории рас. В реальности белые, особенно в сельской местности, инстинктивно сопротивляются расовому смешению. Призыв Трампа «Верните нам "Унесенные ветром"» (во враждебной ему прессе истолкованный как «верните нам унесенных ветром», что не то же самое) был услышан многими. И в среде чернокожих многим совсем не нравится та буза, которую подняли их агрессивные сородичи.

В целом политика синих (демократов) встречает сопротивление на местах. К примеру, две трети графств (всего их около трех тысяч), проигнорировав требования правительства, отказались сдавать оружие, находящееся в частном пользовании; в ответ на что президент Байден, хорошо не подумав, пригрозил им ядерной бомбой.

В ряде штатов приняты законы, запрещающие преподавание в государственных школах критической теории рас. Страну охватило движение разноуровневых сецессий, как их называют по образцу событий, имевших место в древнем Риме: отдельные городские районы отделяются от городов, с которыми они не хотят иметь ничего общего, города отделяются от графств, графства от штатов; и есть штаты, в их числе такие крупные, как Техас и Калифорния, которые подумывают об отделении от государства Соединенных Штатов.

Но, похоже, время работает против консервативной Америки. В жизнь входят поколения, прошедшие через «лагеря перевоспитания», в каковые ныне превратилось большинство школ; не говоря уже об университетах (нынешнее состояние образовательной системы характеризуют словами «второе убийство Сократа»). Таким образом год от года прибавляется «полку» радикалов. Кроме того, продолжается приток иммигрантов, с традиционной Америкой малознакомых и ей, как правило, чуждых.

И расовое смешение идет своим ходом, множится число мулатов, которые, возможно, и станут когда-нибудь большинством населения в Соединенных Штатах. Мулата всегда относили к числу негров, особенно на Юге, даже если он октерон (то есть имеющий в себе осьмушку негритянской крови). У Фолкнера мулат чаще всего — трагическая фигура: бурление кровей заставляет его чувствовать себя «ни в сих, ни в оных».

Ошибочно думать, что после национал-социализма о значении крови нельзя и заикаться. Кажется, Гёте принадлежит мысль, что любая идея, даже самая правильная, может быть доведена до абсурда. Так произошло у национал-социалистов с представлением о значении крови. На самом деле кровь для человека тоже важна: она несет в себе «иероглиф наследственности», родовую информацию, в определенных случаях побуждающую его поступать тем или иным образом, обычно бессознательно или полусознательно.

Между прочим, вопрос крови сыграл определенную роль и в Русской революции. На это обратил внимание Фёдор Степун: «Вопрос о незаконных детях, о г н е в н о й и н е р в н о й б а р с к о й к р о в и (разрядка моя. — Ю.К.) в жилах русских крестьян, лишь мимоходом затронутый Буниным в его "Суходоле", представляется мне, к слову сказать, как социологически, так и психологически, очень интересною темою большевистского бунта». «Полукровки», только не в расовом, а в социальном смысле, первыми побежали с фронта Германской войны, первыми стали громить помещичьи усадьбы, оазисы высокой русской культуры (как считают новые исследователи, усадебная культура была не дворянской, а дворянско-крестьянской).

Мулаты, беспокойная «прослойка» меж двумя расами, играют ведущую роль в «негритянской революции». Их фенотипическая близость к белой расе облегчает многим белым участие в BLM, куда «раскаившихся» бледнолицых пока еще «великодушно» принимают; или, по крайней мере, сочувствие к этому движению. Поразительно, но по данным на 2017 год более половины белых американцев сочувствовали BLM! Потом, правда, после серии погромов, учиненных «черными марксистами», число сочувствующих снизилось, но все равно остается очень большим. В составе самого движения и сегодня, по некоторым прикидкам, каждый третий — белый или, если угодно, «белый негр».

Многим наблюдателям представляется загадочной поддержка, которую оказывают BLM элитные круги, в их числе финансовые воротилы Уолл-стрит и Силиконовой долины; перспектива «экспроприации экспроприаторов», по Марксу, о которой грубо напомнила гильотина, поставленная активистами BLM перед домом миллиардера Джефа Безоса, не может их радовать; равно как и призрак «нового Коминтерна». Полагаю, что главная причина такого странного поведения — страх: BLM овладела улицей и может сложиться ситуация, когда никакие заборы не остановят мятежников;

кадры из эйзенштейновского «Октября», где революционные матросы перелезают через какие-то ворота, ведущие к Зимнему дворцу, всем хорошо известны.

«Победители боятся побежденных» — ситуация, знакомая еще древнему Риму в его закатный период, когда раб на улице перестал уступать дорогу кому бы то ни было.

Но еще, возможно, элиты надеются овладеть движением: революция — это ведь «чертово колесо», по выражению Аркадия Аверченко: никогда не угадаешь, кто в конечном счете окажется наверху.

Пока что негр, «встающий с колен», принуждает опускаться перед ним на колени белых, включая самых важных персон. Вирус заискивания перед черными революционерами проник и в государственные структуры. Инфекция нового типа успешно распространяется и за пределами Америки. Постепенно вся мировая политика и особенно культурная политика начинает строиться по силовым линиям, отправляющимся от понятия расы. Американский «пожар» распространяется прежде всего в англо-саксонских странах, начиная с Англии. Пример подает Оксфорд, интеллектуальная столица англо-саксонского мира. На филологическом факультете Шекспир заклеямен «расистом», прежде всего за его «Бурю», где в неприглядном свете выведен дикарь Калибан. В число «расистов» попала даже Джейн Остин только за то, что она любила пить чай с сахаром, а эти продукты попадали в Англию из колоний. На музыкальном факультете выступают с требованием запретить исполнение произведений, в частности, Баха, Моцарта, Бетховена только потому, что они создавались «во времена рабства», хотя эти композиторы не имели даже отдаленного отношения к работорговле; доходят до того, что требуют отменить нотное письмо, так как это знак «превосходства белых».

А в соседнем с университетом колледже учащиеся, при попустительстве начальства, сняли со стен портреты Елизаветы II и адмирала Нельсона и повесили вместо них портреты Греты Тунберг и какой-то «пакистанской активистки Малалы Юсафзай».

Уже добрую сотню лет говорят и пишут о «закате Европы» (европейской цивилизации, распространяющейся, естественно, на Соединенные Штаты), но т а к о г о скоропалительного заката не ждал никто.

Демографы предсказывают, что до конца столетия в Европу вселится один миллиард африканцев. И, может быть, с ним вместе проберется «кувырколлегия из экваториального террариума», пугавшая еще Леонида Леонова. Возможно, что приведенная цифра завышена, но даже сотня-другая миллионов радикально изменит лицо Европы, точнее, западной ее части. Психологически она к этому уже готовится.

На пороге XX века Киплинг в знаменитом стихотворении «Бремя белых» обратился к белому человеку (прежде других к американскому белому человеку) с императивным призывом:

Ты (о, на каком ветрище!)
Светоч зажжешь Ума...

Сегодня ветрище задувает неверные огоньки «западного духа». Умственное хозяйство Запада пребывает в глубоком упадке; отдельные успехи не могут изменить общую неприглядную картину. И особенно это относится как раз к Соединенным Штатам.

В той перспективе, о которой здесь идет речь, Восточная Европа находится в относительно более выгодном положении. Россия и прилегающие к нам с запада страны не участвовали в заморской экспансии, поэтому мы экзотическим странам, слава Богу, «ничего не должны» (русская экспансия шла в южном и восточном направлении, и покоренные русскими малочисленные народы, даром что у некоторых

из них за плечами была древняя культура, никакого существенного влияния на русскую культуру не оказали, зато русскую культуру усваивали). А о том, к чему приводили редкие непосредственные контакты русских людей с Африкой, лучший пример показывает Николай Гумилёв. Он много путешествовал по Африке, был впечатлен ее звуками и цветами, но на тайные «зовы» ее не поддавался, писал:

Там смотрит в душу чей-то взор,
Отравы полный и обманов.

Подобно крестоносцам былых времен, поэт оставался «одет в броню своих святых».

Но Запад гипнотическому влиянию Африки поддался, а наши глаза и уши всегда были на Западе, и всегда была склонность к подражательным действиям.

Особенно молодое поколение склонно «хватать с ветра» многое из того, что приходит оттуда.

«Африканизация» Европы начиналась как будто с безобидного: негр заражал белого своей детскостью, непосредственностью, равно как и своей танцующей экзотичностью, контрастирующей с европейской «собранностью». Но чуткий Андрей Белый уже тогда, в 20-х годах писал: Африка «бродит и бредит» в крови западного человека «уродливо дикой фантазией, беспутицей плясовой, разукрашенной жизни; бытом, стилем и модами; и даже — манерой держаться». И далее: «Негр уже среди нас: будем твердо: арийцами». Опять-таки, ценность арийства не может быть присвоена национал-социализмом.

А подъем «почерневшего» марксизма в Соединенных Штатах приводит нас к удивительному заключению: «передовая» Америка повторяет зады русской истории. В самом деле, тон происходящих там событий сильно напоминает русскую катастрофу 1917-го и последующих лет, на что постоянно указывают американские авторы консервативного направления.

И тут возникает еще одна аналогия, указывающая на новую для нас опасность. Когда говорят, что Америка обращается «внутрь себя», это верно для настоящего момента. Но такое обращение внутрь себя грозит обернуться, уже оборачивается вывертом, который ничего хорошего не принесет. Потому что революционеры бээлэмовского типа, подобно большевикам, грезят о мировой революции. Но большевики, за редкими исключениями, не могли опереться на дипломатическую службу прежней России: посольства за рубежом вольно или невольно сохраняли лояльность в отношении временного правительства или даже свергнутого царя. «Черные» революционеры в этом смысле находятся в гораздо более выгодном положении: они пользуются поддержкой государственных структур. Так, в мае сего года Государственный департамент предложил всем представительством Соединённых Штатов за рубежом поддерживать пропаганду ВЛМ. Отчасти благодаря их усилиям эта аббревиатура становится мировым трендом. Сам вице-президент всея Америки, заседавший в Белом доме, в иных случаях говорит языком ВЛМ. Что не удивительно, если учесть, что среди сотрудников его аппарата немало сторонников этого движения.

Американский парадокс: происходит плавный переход от либерального государства к революционному, по сути своей антагонистическому в отношении этого государства. Пока, во всяком случае, так. Впереди неминуемые «овраги», в которых поломают ноги многие из тех, кого сегодня влечет, вольно или невольно, «светлая дорога в будущее».

Сторонники ВЛМ есть и в армии. Новый министр обороны Ллойд Остин, чернокожий, успел провести чистку в армии, уволив генералов и офицеров, о которых известно, что они симпатизируют Трампу. А председатель Объединенного комитета начальников штабов (высшая должность в вооруженных силах) генерал Марк Милли,

безупречно белый, призвал всех военнослужащих изучать произведения Маркса и Ленина; имея в виду те их произведения, что адаптированы для нужд нынешних черных революционеров. Готовятся к мировой революции?

«Нами человечество протрезвляется, мы его похмелье» — мысль Герцена (цитирую его по памяти), как бы брошенная в наше время, только теперь обретает полноту смысла. Слово «похмелье» довольно точно определяет психологическое состояние нашего народа. И надо надеяться, что нового типа революция, разгорающаяся на Западе, не найдет у нас сколько-нибудь серьезного отклика. Тем более, что у нас практически нет физических носителей «негритянства». Ироническое «сожаление» А.К.Толстого:

Как жаль, что между нами
Арапов нет у нас...

(арапами тогда называли негров) мы и сегодня с облегчением можем воспринимать как шутку.

Путь нашего народа должен быть другой: консолидация над «важными гробами» (Пушкин).

Постскриптум. Когда я писал, что никто не ждал такого катастрофического заката, я не знал об удивительном пророчестве (быть может, самим автором его не осознанном как пророчество), какое содержит стихотворение Владимира Уфлянда «Меняется ли Америка», датированное 1958 (!) годом. Оно стоит того, чтобы привести его здесь целиком.

Меняется страна Америка,
Придут в ней скоро Негры к власти.
Свободу, что стоит у берега,
под негритянку перекрасят.

Начнут посмеиваться Бедные
Над всякими Миллионерами.

А некоторые
будут
Белые
Пытаться притвориться Неграми.

И уважаться будут Негры.

А самый Чёрный будет славиться.

И каждый Белый
будет первым
при встрече с Негром
Негру кланяться.

Пока еще не видно «самого Чёрного» — харизматической личности, которая возглавит «негритянскую революцию». А все остальное осуществилось или близко к осуществлению.